

³⁷ См.: **Дмитриев А. А.** О границах Перми Великой // Тр. Перм. уч. археол. комиссии. Пермь, 1982. Вып. 1. С. 63—74.

³⁸ См.: **Матвеев А. К.** Древнеуральская топонимика и ее происхождение // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 138; **Кривошекова-Гантман А. С.** Откуда эти названия? Пермь, 1973. С. 23—36.

³⁹ См.: Проблемы этногенеза удмуртов. С. 6—36, 59—103; **Шутова Н. К.** К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тыс. н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. С. 114—121.

⁴⁰ См.: **Викторова В. Д.** Памятники лесного Зауралья... С. 256.

⁴¹ См.: **Генинг В. Ф.** Южное Приуралье в III—VII вв. н. э.: (Проблемы этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 249—250; **Он же.** Проблема соотношения археологической культуры и этноса... С. 20—23.

⁴² См.: **Мурыгин К. М., Королев А. С., Ляшев В. А.** Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья: Препринт. Сыктывкар, 1984. С. 7—29.

⁴³ См.: **Лашук Л. П. В. И. Ленин о земляческих и национальных связях** // СЭ. 1970. № 1. С. 52—53.

⁴⁴ **Алексеев В. П.** Демографическая и этническая ситуация. С. 239—330.

Н. В. ФЕДОРОВА, А. П. ЗЫКОВ
Институт истории и археологии УрО АН СССР
В. М. МОРОЗОВ, Л. М. ТЕРЕХОВА
Уральский университет

СУРГУТСКОЕ ПРИОБЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Периодизация и хронология археологических памятников Нижнего и Среднего Приобья I — середины II тыс. н. э. до сих пор основаны на схеме, предложенной В. Н. Чернецовым, наметившим основные этапы культурно-исторического развития региона от эпохи раннего железа до позднего средневековья. Естественно, с накоплением нового материала эта схема нуждается в уточнении и дополнении.

Последние два десятилетия отмечены заметным оживлением региональных исследований средневековых древностей Западной Сибири. обстоятельно изучены памятники Сургутского и Томско-Нарымского Приобья, степных и лесостепных районов лесного Прииртышья, Зауралья. Характерная черта многих работ последних лет — стремление зафиксировать, скорее, своеобразие археологической ситуации, чем сходные черты ее развития в различных районах. Это было связано с вполне объяснимым стремлением выйти на решение этногенетических проблем, что иногда приводило к необоснованному выделению многочисленных археологических культур.

В данной статье предлагается схема развития средневековых древностей Сургутского Приобья, основанная на многолетних исследованиях крупных комплексов памятников в урочище Ермаково, у поселка Сайгатино и главным образом на Барсовой Горе (рис. 1), этапы заселения которой прослежены с эпохи камня до позднего средневековья.

До 70-х гг. нашего века изучались в основном памятники Барсовой Горы. Первые сведения о них связаны с именами политехника В. Ф. Казакова (1889) и проректора Томского университета С. М. Чугунова (1890). Ими были проведены раскопки одного из городищ (по-видимому, Барсова городка I/7) с расположенным на нем жертвенным местом ханты и частично обследован могильник Барсов городок. Материалы раскопок утеряны¹.

В 1891 г. шведский ученый доктор Ф. Мартин обследовал 6 городищ на Барсовой Горе и средневековый могильник, на котором вскрыл 111 погребений. Результаты его работ впоследствии опубликованы известным шведским востоковедом Т. Арне².

В начале XX в. на Барсовой Горе работали две экспедиции, одной из которых руководил венгерский ученый профессор М. Папай, другой — финский профессор У. Сирелиус. В 1925 г. группой, руководимой Н. В. Павловым, снят схематический ситуационный план не менее 30 городищ, дополненный сопроводительной запиской по их топографии и сохранности³.

С 1968 г. в Сургутском Приобье работает археологическая экспедиция Уральского университета (с 1971 г. — на Барсовой Горе, с 1973 г. — в урочище Ермаково, с 1981 — у пос. Сайгатино). Исследованные стратифицированные и однослойные памятники, множество жилищ и погребений позволяют создать детальную периодизацию развития материальной культуры и хронологическую шкалу для отрезка времени в 1,5 тыс. лет.

Авторы стремились по возможности сохранить общепринятые названия культур и этапов. Некоторые вновь вводимые наименования давались таким образом, чтобы избежать повторов.

На основании анализа особенностей различных комплексов средневековой керамики нами выделено пять типов. Изучение стратиграфии и планиграфии поселений, их вещевого материала, погребального обряда, состава могильного инвентаря подтвердило возникшее предположение о том, что эти типы отражают пять последовательных периодов развития материальной культуры в эпоху средневековья. За тип керамики был взят комплекс, выделенный первоначально на однослойных поселениях и обладающий определенной совокупностью признаков — набором форм сосудов, композиций и элементов орнамента.

Следующая таксономическая единица — памятники определенного культурно-хронологического типа (карымского, зеленоторского и т. д.). В данном случае эта группа относительно одновременных поселений, могильников, святилищ с однотипной керамикой. Для этой группы также характерны сходные конструкции жилищ и оборонительных систем, погребальных обрядов и типов вещевого инвентаря.

В статье сознательно не употребляется термин «археологическая культура». По нашему представлению, средневековые

материалы лесной зоны Западной Сибири обнаруживают преемственность с памятниками раннего железного века и настолько близки с ними, что логичнее рассматривать их либо в рамках одной археологической культуры, либо отказаться от этой таксономической единицы. Последнее кажется более предпочтительным. Выделенные к настоящему времени археологические культуры это очевидное единство разрывают⁴. Мы придерживаемся в своих построениях терминов «памятники ... типа» — для относительно одновременных объектов, «этап» или «период» — для фиксации хронологических изменений. Характеризуя этапы, мы старались уделять внимание, во-первых, общему, что связывает предыдущий этап с последующим, и, во-вторых, новым чертам, отличающим один этап от другого.

Саровский этап (I в. до н. э. — III в. н. э.). Выделен Л. А. Чиндиной как завершающий для кулайской культуры раннего железного века. Датировка его определена автором в пределах I в. до н. э. — IV в. н. э.⁵ Если нижняя дата не вызывает возражений, то верхняя представляется несколько завышенной. Надежно датированные комплексы с саровской керамикой Шеркалинского и Барсовского III могильников не выходят за пределы III в. н. э.

В Сургутском Приобье саровские памятники представлены городищами Барсов городок I/4, 20, 25, Кучиминское II, Ермаково XVIII—XX, селищами Кучиминское XIII, Ермаково 4, 5, Путчи-Урий I, святилищем на городище Барсов городок I/9, погребениями Барсовского III могильника, отдельными находками на городищах Барсов городок I/31, II/1⁶. Эти комплексы имеют ряд черт, не свойственных сургутским памятникам второй половины I тыс. до н. э. с керамикой, близкой васюганскому типу кулайской культуры⁷. Саровская керамика представлена в основном круглодонными сосудами, поддоны встречаются очень редко. Венчики в большинстве случаев кроме скоса внутрь сосуда имеют значительный карниз, орнаментированы чаще всего косо поставленными оттисками гребенчатого штампа. По сравнению с более ранними сосудами у саровских увеличивается высота шеек с поясом ямок, реже — крупных приплюснутых пальцем жемчужин. Орнаментация покрывает верхнюю треть сосудов, лишь в отдельных случаях орнамент опускается до придонной части. Основа композиции орнамента — чередование горизонтальных поясков оттисков одного-двух, редко трех и более штампов. Основные элементы орнамента — оттиски

←
Рис. 1. *А* — карта расположения археологических памятников, упоминаемых в тексте; *Б* — схема расположения памятников в урочище Сайгатино; *В* — схема расположения памятников в урочище Барсова Гора; *Г* — схема расположения памятников в урочище Ермаково; условные обозначения:

1 — селище, 2 — городище, 3 — могильник, 4 — клад, 5 — святилище, 6 — болото, 7 — дорога, 8 — железная дорога, 9 — Сайгатиинские могильники, 10 — Кучиминские городища, 11 — Барсовские могильники, 12 — городища Ермаково, 13 — селища Ермаково, 14—16 — городища Барсов городок и селища Барсова гора

фигурных штампов: гребенчатого преимущественно крупнозубого, змейчатого, уголкового, уточки. Получают распространение прокатанные штампы.

Большинство известных поселений этого периода — городища с развитой системой обороны, что резко отличает их от более ранних. В частности, на городищах Барсов городок I/4, 20, Кучиминском II зафиксированы системы, состоящие из глубокого рва и вала с выступами-бастионами. В толще валов прослеживаются остатки деревянных конструкций стен. На саровском этапе в Сургутском Приобье складывается типичный для средневекового типа жилища, отличный от более ранних, практически наземных сооружений — постройка с углубленным на 20—40 см прямоугольным котлованом, коридорообразным выходом, земляной подсыпкой стен и центральным очагом.

Погребальный обряд реконструируется по материалам двух одиночных погребений Барсовского III могильника⁸. Умершие захоронены в узких неглубоких грунтовых ямах, на спине, головами на запад и северо-запад. В одной из могил фиксируются остатки деревянного гробовища. Среди погребального инвентаря — оружие, орудия труда, украшения, культовое литье, керамическая посуда. По обряду и сопровождающим вещам сургутские погребения саровского этапа близки синхронным материалам Шеркалинского могильника на Нижней Оби⁹. Можно отметить преемственность саровских погребений с единично известными сургутскими погребениями второй половины I тыс. до н. э. и многочисленными погребальными комплексами VIII—XVI вв.

В памятниках начала I тыс. н. э. Сургутского Приобья появляются находки, бесспорно свидетельствующие о зарождении местной черной металлургии и металлообработки: куски железного металлургического шлака с городища Барсов городок I/4, кузнечный молоток из клада с городища Барсов городок I/20, железные предметы, откованные по достаточно простым технологическим схемам. Среди изделий особо следует отметить серию специфических позднекулайских кинжалов с бронзовыми деталями рукоятей из Барсовского III могильника и Холмогорского «клада». Происходят изменения в бронзолитейном производстве. Начинают широко применяться так называемые белые высокооловянистые бронзы, появляются пронизки, выполненные по технологии двустороннего полого литья, поверхности отливок подвергаются тщательной внешней отделке. В саровском литье возникают сюжеты, нашедшие дальнейшее развитие уже в раннем средневековье: реалистичные антропоморфные личины, изображения хищных птиц с распахнутыми крыльями и личиной на груди, медведей в жертвенной распластанной позе, фронтально стоящих фигур мужчин-воинов в доспехах, с подчеркнутым признаком пола и косами, полые зооморфные пронизки.

Перечисленные изменения свидетельствуют о значительной

перемене обстановки в начале I тыс. н. э. и позволяют авторам рассматривать памятники саровского типа как переходные к средневековой.

Карымский этап (IV—VI вв.). Выделен В. Н. Чернецовым. Хронология этапа определена по датировкам памятников карымского типа в Нижнем Притоболье: поселения Ипкуль XV, могильников Ипкульского и Козловского¹⁰. Памятники: городища Барсов городок II/6, 7, 9, 10, Кинтусовские II и IV. К этому же периоду относится основная, наиболее поздняя, часть вещей Холмогорского «клада».

Керамика — круглодонные сосуды за редким исключением с хорошо выраженной шейкой. Венчики имеют скос внутрь сосуда и карниз и, как правило, приплюснуты отпечатками гребенчатого штампа или ногтевыми вдавлениями. На шейке сосудов с внешней стороны — горизонтальный ряд ямок, иногда чередующихся с жемчужинами. Ямки накалывались после нанесения орнамента, чаще всего поверх его. Общая композиция узора следующая: на шейке и в верхней части плечиков чередовались горизонтальные пояски, выполненные в несколько рядов отпечатками штампов. Иногда отпечатки штампа наносились в шахматном порядке. От плечиков вниз, часто до самого дна, спускались фестоны в виде косых столбиков из горизонтальных или наклонных отпечатков штампа, часто сгруппированных по три-четыре.

Орнамент выполнялся отпечатками различных штампов. На одном сосуде сочетались отпечатки двух-трех видов штампов, реже — одного, еще реже — четырех. Чаще всего (на 90 % сосудов) встречаются отпечатки гребенчатого штампа, что характерно для всей средневековой керамики. Определяющим для данного этапа является ромбический штамп (около 35 % сосудов) в различных вариантах — с четырьмя точками внутри, с косым крестом, решетчатый и т. д. Не менее распространены известные с кулайского времени штампы уточка и змейка, хотя они часто встречаются в своей контурной модификации. Известны и отпечатки редких фигурных штампов — круглого, крестового, «след медведя»¹¹, «голова медведя» и т. д. (рис. 2А-З, 4, 6—10).

Карымская керамика близка позднекулайской. Некоторые сосуды в тех и других комплексах практически одинаковы. Отличает карымскую керамику употребление фестонов для завершения узора и применение разнообразных не известных ранее фигурных штампов.

На всех, в том числе и однослойных, памятниках карымского времени есть немного (не более 2 %) керамики, отличающейся от вышеописанной. Это сосуды с плавным переходом от шейки к плечикам, орнаментированные поверху горизонтальными многорядными поясками желобков, иногда в виде «косичек» или фестонов, спускающихся на плечики. Часто желобчатый

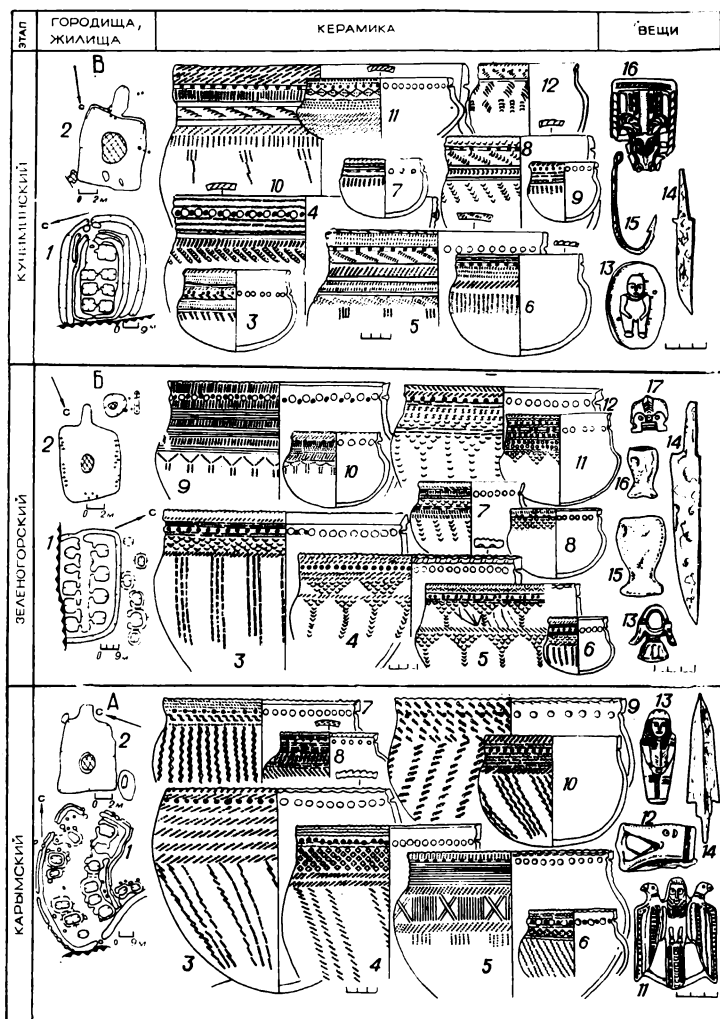

Рис. 2. А. Карымский этап:

1—3, 6—10 — городище Барсов городок II/6; 4 — городище Барсов городок II/7; 5 — городище Барсов городок II/10; 11—14 — Холмогорский комплекс;

Б. Зеленогорский этап:

1, 2, 4—9, 11, 13—16 — городище Барсов городок II/1; 3 — городище Барсов городок II/8; 10, 12, 17 — городище Барсов городок II/15;

В. Кучиминский этап:

1, 2, 7, 12 — городище Кучиминское V; 3, 4, 6, 8, 13, 14, 16 — городище Барсов городок II/4; 5 — поселение Барсова гора II/8; 9—11 — городище Барсов городок II/3; 15 — городище Кучиминское XI

орнамент дополнен горизонтальными поясками вертикально или наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа (рис. 2А-10). Этот комплекс выглядит инородным и не имеет аналогов в раннем материале¹².

Карымские городища достаточно крупные: площадь наиболее раннего — Барсов городок II/6 — 3600 м², позднего — Барсов городок II/10 — 2000 м². Они представляют собой прямоугольные площадки, обращенные к краю террасы торцом — для ранних или длинной стороной — для поздних. Планировка поселений уличная: 10—13 жилищ располагались в два ряда выходами навстречу. Земляная подсыпка задних стен построек образовывала небольшую — 0,5—0,6 м от уровня древней поверхности — вал, окружавший жилую площадку. Перед валом сооружен неглубокий ровик шириной 1—1,5 м. В 2—3 местах вал и ров прерывались, образуя проходы на площадку. В целом мощность оборонительных систем карымских поселков уступала более ранним саровским (рис. 2А-1).

Жилища имеют простую конструкцию: углубленные в грунт на 0,2—0,3 м подпрямоугольные котлованы площадью 34—42 м² с коридорообразным выходом в одной из торцевых стен, которые подсыпались песком. В центре постройки располагался простой наземный очаг (рис. 2А-2).

Металлические вещи карымского времени, малочисленные и невыразительные в коллекциях с поселений, широко представлены в Холмогорском «кладе». Предметы вооружения — палаш, кинжалы, боевые ножи, наконечники копий и стрел — имеют самые тесные аналогии в позднекулайских и раннесредневековых комплексах Парабельской, Ишимской, Елыкаевской коллекций, Томского могильника и др. Художественные изделия продолжают и развивают позднекулайские традиции. Отливки делались из оловянистой бронзы с полированной внешней поверхностью. Среди сюжетов литья преобладают сложные антропоморфные и зооорнитоморфные изображения с тщательной разделкой поверхности кантами из «перлов» или прямоугольников, например, изображения хищных птиц с личинами на груди (рис. 2А-11). В это время окончательно оформляется канон фронтального изображения фигуры человека в доспехах с косами и сложенными на животе руками (рис. 2А-13). Вместо овальных со сливом тиглей, характерных для всего раннего железного века, появляются глиняные рюмковидные, существующие до начала II тыс. н. э.

В лесной зоне Западной Сибири памятники карымского типа, кроме Сургутского Приобья, известны в Нижнем Приобье, Нижнем Прииртышье, в бассейне Конды. Близки карымским памятники туманского типа в бассейнах Туры и Тавды, а похожая на карымскую керамика известна на поселениях Томско-Нарымского Приобья¹³.

Зеленогорский этап. (VI—VII вв.). В свое время В. Н. Чер-

нецов, раскопав стоянку Зеленая Горка у Салехарда, выделил зеленогорскую культуру и датировал ее ранним железным веком (доусть-полуйским временем)¹⁴. Последующими исследованиями установлено, что зеленогорский тип керамики относится к средневековью, а именно — к третьей четверти I тыс. н. э. Поскольку название уже вошло в литературу, мы сохраняем его за этапом. Хронология этапа определяется концом предыдущего карымского и началом последующего — кучиминского. Ее подтверждает находка в жилище одного из самых поздних по облику керамического материала зеленогорских городищ Барсов городок II/15 бронзовой накладки — псевдопряжки конца VI — начала VIII в. (рис. 2Б-17)¹⁵ и датировка погребений Барсовского V могильника (конец VI—VII в.).

В Сургутском Приобье памятники зеленогорского типа выявлены на Барсовой Горе — городища Барсов городок II/1, 8, 11, 12, 13, 15, Барсовский V могильник. По большинству признаков керамика зеленогорского типа близка карымской: по форме и размерам сосудов, форме венчика, оформлению ямочно-жемчужной зоны, расположению и компоновке орнамента, доле оттисков гребенчатого и ряда других штампов. Новое заключается в том, что место оттисков ромбического штампа в орнаменте занимают различные вариации уголкового. Почти полностью исчезают уточка и змейка. В узоре на шейке сосудов появляются треугольные композиции из оттисков уголкового штампа. Такие же треугольные фестоны с длинным столбиком, спускающимся ниже плечиков, завершают узор. На некоторых позднзеленогорских сосудах под венчиком имеется налипной валик, орнаментированный гребенчатым или гладким штампом. Исчезает группа керамики, орнаментированная преимущественно желобками, но 3—4 горизонтальных желобка появляются на сосудах основной группы, где они прежде отсутствовали (рис. 2Б-3—12).

Ранние городища зеленогорского этапа по размерам уступают предшествующим карымским (площадь 1180—1890 м²), впоследствии площадь их увеличивается. Например, у самого позднего городища Барсов городок II/13 она составляет 2880 м². Жилые площадки прямоугольные, застраивались двумя рядами жилищ, обращенных выходами друг к другу. Оборонительная система большинства зеленогорских городищ аналогична карымским: небольшой вал, образованный подсыпкой задних стен жилища, узкий неглубокий ров перед ним, в противоположных концах улицы — проходы (рис. 2Б-1). К городищам, как правило, примыкают одновременные селища. В конце периода фортификация усложняется — глубина рва достигает 1 м от древней поверхности, в основании вала фиксируются канавки для крепления бревенчатых стен, 4 жилища на жилой площадке городища Барсов городок II/15 отделены от остальных дополнительным рвом.

Раскопками изучено 16 жилищ зеленогорского типа. Горо-

дище Барсов городок II/1 раскопано полностью. Зеленогорские жилища в основном аналогичны карымским, но отличаются от них большими размерами (30—70 м²), более частым употреблением столбовых конструкций, более крупными центральными очагами (рис. 2Б-2).

Барсовский V могильник грунтовый, обряд — ингумация в простых неглубоких ямах. Погребальный инвентарь — железные орудия труда и оружие, бронзовые детали поясной гарнитуры, культовое литье, керамические сосуды.

Вещевой инвентарь с поселений немногочислен: рюмковидные тигли, железные ножи, бронзовые птицевидные подвески, псевдопряжка (рис. 2Б-13—17). Под обваловкой жилища на городище Барсов городок II/1 и во рву кулайского городища Барсов городок I/20 найдены жертвенные комплексы — меховые сумочки с деревянными личинами и бронзовыми подвесками и пластинками, аналогичные культовым комплексам кучиминского времени.

На сопредельных территориях зеленогорскому этапу соответствуют потчевашские памятники Среднего Прииртышья, тынские лесного Зауралья. В Нижнем Приобье кроме стоянки Зеленая Горка исследованы памятники подобного типа — городище Каксинская Гора, поселения Перегребное 4, 12. Во многом близким и малгетско-релкинские материалы Томско-Нарымского Приобья.

Кучиминский этап (VIII—IX вв.). Назван по наиболее полно исследованному памятнику — Кучиминскому V городищу в урочище Сайгатино. До сих пор подобные материалы рассматривались в рамках кинтусовского этапа (по схеме В. Н. Чернецова), но мы считаем необходимым выделить их в отдельную группу, так как некоторые особенности керамики, фортификации и планировки городищ, погребального обряда отличают кучиминские памятники от предшествующих и последующих. Хронология этапа определяется датировкой ранних групп погребений Сайгатинского III и Барсовского I (Барсов городок) могильников и нижней датой кинтусовских комплексов, датированных концом IX—X в. Последовательность кучиминского и кинтусовского этапов наиболее ярко подтверждает стратиграфия Кучиминского V городища, сооружения которого перекрыты погребениями и святилищем с кинтусовской (вожпайской) керамикой и многочисленным инвентарем конца IX—X в., а также планиграфия Барсовского I могильника, в котором погребения конца IX—X в. с вожпайской посудой продолжают группу погребений IX в. с позднекучиминской керамикой.

Памятники кучиминского этапа представлены городищами Барсов городок II/2—4, Кучиминскими V, XI, XIV, Ермаково I, II, VI, Урьевскими III, IV, поздним комплексом поселения Барсова гора II/8, погребениями Сайгатинского III и Барсовского I могильников.

Форма, размеры и пропорции кучиминских сосудов, оформление ямочно-жемчужной зоны по сравнению с керамикой предшествующих этапов не меняются. Иной становится профилировка венчиков: на смену скошенным внутрь появляются плоские, орнаментированные гребенчатым и гладким штампами, округлые или приостренные. Сохраняется композиция узора, но на шейке сосудов чаще встречаются косо поставленные столбики оттисков отступающего штампа, заключенные между горизонтальными желобками. Оттиски гребенчатого штампа по-прежнему являются основой орнамента, но становятся крупнее и грубее. Практически исчезают фигурные штампы, за исключением углового. Большое место в орнаменте занимают оттиски гладкой лопаточки. Беднее и короче становятся фестоны, завершающие узор (рис. 2В-3—12). В целом керамика кучиминского этапа грубее, сделана менее тщательно, чем керамика предыдущего и последующего этапов.

Кучиминские городища резко отличаются от карымских и зеленогорских мощностью и сложностью фортификаций. Некоторые поселения имеют 2—3 укрепленные площадки, соединенные внешней линией оборонительных сооружений в один комплекс (городища Барсов городок II/2—4, Кучиминское XI, Ермаково VI). Появляются двойные или тройные линии обороны (городища Кучиминское V, XIV). Ширина рвов достигает 3—4 м, глубина — 1,5—2 м, высота вала доходит до 0,8—0,9 м (рис. 2В-1). В основании валов по всему периметру фиксируются канавки — основы крепления бревенчатых стен. В проходах на площадки городищ выявлены остатки довольно сложных воротных сооружений.

Площадки городищ в среднем 1690 м². Планировка внутренней застройки уличная: 4—8 жилищ располагались в два ряда выходами навстречу. Конструкция жилищ традиционная, средняя площадь их — 47 м² (рис. 2В-2). Иногда в постройках фиксируются следы нар. В ряде случаев очаги имеют деревянный каркас или каменную обкладку.

К памятникам кучиминского этапа относятся ранние группы погребений Барсовского I и Сайгатинского III могильников. По бронзовым деталям поясной гарнитуры, шумящим подвескам, браслетам, дрововым кольцам, имеющим аналоги в древностях ломоватовской культуры¹⁶, они датируются VIII—IX вв. Керамическая посуда происходит только из позднейших в этих группах погребений IX в. Погребальная керамика аналогична материалу наиболее поздних кучиминских городищ. Кучиминские погребения грунтовые, в неглубоких ямах.

Основной обряд — трупоположение, погребаемые укладывались вытянуто на спине в деревянные гробовища или лодки. В основном погребения одиночные, реже — парные и коллективные (4—7 костяков). Кроме трупоположений единично встречаются кремация и кенотаф.

Вещевой инвентарь представлен оружием, орудиями труда, украшениями костюма. Выделяются бронзовые изделия (рукоятки ножей, навершия кресал и гребней, поясные пряжки, браслеты, полые подвески) с зооморфными сюжетами, специфичные для памятников Обь-Иртышья. Особую группу составляют бронзовые и деревянные антропоморфные изображения — личины и фигуры воинов в полном вооружении, продолжающие художественную традицию предшествующего времени. Аналогичные вещи — бронзовая зооморфная пряжка и овальные медальоны с изображениями мужских фигур — найдены на городище Барсов городок II/4 (рис. 2В-13, 16).

За пределами Сургутского Приобья памятники с керамикой кучиминского типа известны на Нижней Оби — поселения Перегребное II, IV, городище Низямы V¹⁷.

Кинтусовский этап (конец IX — начало XIII в.). Выделен В. Н. Чернецовым, назван по Кинтусовскому могильнику. Сохраняя это удачное название, мы несколько уточняем содержание этапа.

По схеме В. Н. Чернецова, которой до сих пор придерживаются многие исследователи¹⁸, кинтусовскому предшествует оронтурский этап, керамика которого подразделяется в свою очередь на три последовательных группы: люликарскую, оронтурскую и вожпайскую¹⁹. По-видимому, материалы, объединявшиеся в люликарскую группу, в основном следует рассматривать в рамках карымского и зеленогорского этапов. Собственно оронтурская керамика датируется материалами могильников X—XI вв., т. е. позднее вожпайской, и, следовательно, никак не может предшествовать последней. Поэтому мы считаем нецелесообразным сохранение термина «оронтурский этап»²⁰.

В Сургутском Приобье памятники кинтусовского типа представлены городищами Барсов городок I/31—32, Кучиминское IX, Ермаково XI, селищем Барсова гора II/16, могильниками Сайгатинскими I, IV, VI, Барсовским I, Кинтусовским, святилищами, кладами, случайными находками.

Керамика, происходящая из надежно датированных комплексов поселений и могильников, позволяет рассмотреть хронологические изменения в орнаментации кинтусовских сосудов. Между поселенческой и погребальной посудой имеются существенные различия не только в размерах, но и в технологии изготовления, формах, орнаментации. По форме кинтусовские сосуды в основном аналогичны кучиминским. Большинство их — горшки с округлым, иногда приостренным дном. Редко встречаются сосуды чашевидных и ладьевидных форм. Венчик уплощенный или приостренный, на шейке, выше ямочно-жемчужной зоны, часто встречается валик.

Наиболее ранней кинтусовской посудой следует считать керамику так называемого вожпайского типа — сосуды, украшенные на шейках лентами наклонных полос, ромбов, взаимопроникаю-

щих треугольников, заштрихованных в разных направлениях, горизонтальной елочкой, ниже — исключительно гребенчатым штампом. Классическая нарядная вожпайская посуда, широко

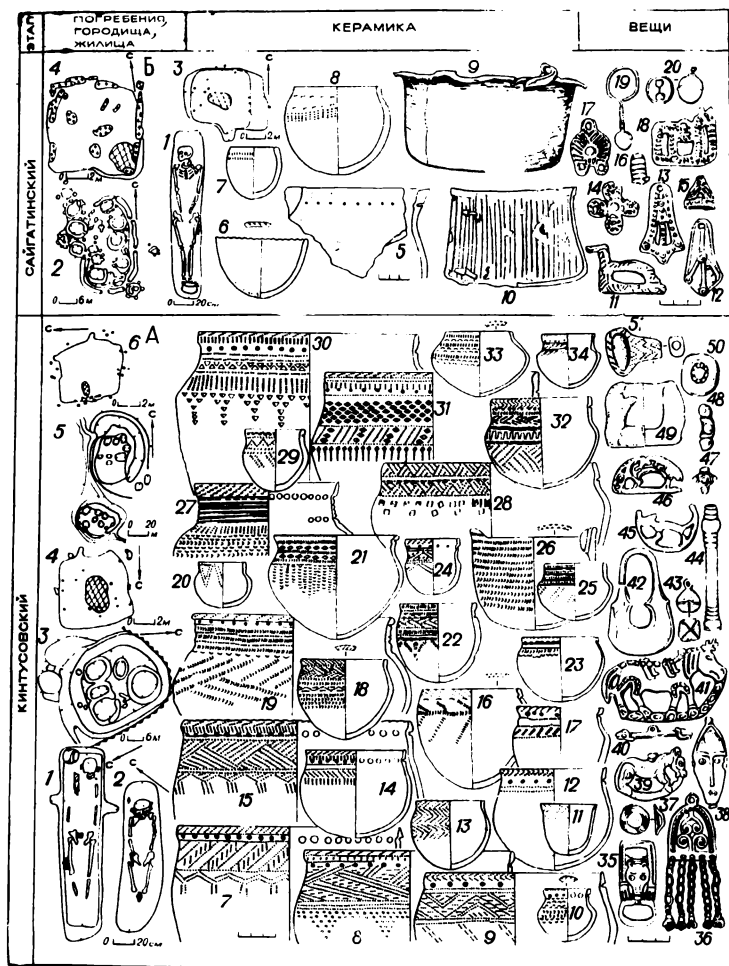

Рис. 3. А. Кинтусовский этап:

1, 2, 10—14, 16—18, 20, 22—24, 35—37, 39—44 — могильник Барсов городок; 3 — городище Ермаково XI; 4, 8, 9 — поселение Барсова гора II/16; 5—7, 12, 15, 19, 28, 30, 31, 38, 45—51 — городище Барсов городок I/31—32; 21, 25, 26, 29, 32—34 — Сайгатинский I могильник; 27 — Кучиминское IX городище

Б. Сайгатинский этап:

1, 6—20 — Барсовский IV могильник; 2, 3, 5 — городище Барсов городок IV/1; 4 — поселения Кучиминское XVI

представленная на поселениях (рис. 3А-7—9, 15), немногочисленна в погребениях. В ранних погребальных комплексах кинтусовского времени встречаются преимущественно сосуды с обед-

ненной орнаментацией: гребенчатая елочка и ряды горизонтальных отрисов гребенчатого штампа на шейке (рис. 3А-11—14, 17). Вожпайская керамика датируется концом IX—X в. Это подтверждает и радиоуглеродная дата поселения Дюна III на полуострове Таймыр²¹.

В X—XI вв. в орнаментации кинтусовской керамики идет процесс постепенного замещения гребенчатого штампа отступающей лопаточкой. Нарушается строгая композиция вожпайского узора: орнамент, в том числе и лента взаимопроникающих треугольников, появляется на плечиках сосудов. В погребальной посуде вертикальными или наклонными столбиками отступающей лопаточки орнаментировалось и тулово (рис. 3А-16, 18, 19, 22, 24, 32). Именно такая керамика была отнесена В. Н. Чернецовым к оронтурской группе.

В конце XI—XII в. появляются сосуды с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой, резко переходящей в раздутое тулово, котловидные сосуды с ушками. В орнаментации гребенчатый штамп почти полностью вытесняется гладкой лопаточкой, вновь появляются горизонтальные ряды желобков, ромбические, округлые, глазчатые и другие фигурные штампы (рис. 3А-21, 25—31, 34). В наиболее чистом виде такой керамический комплекс известен в материалах Рачевского II городища в Нижнем Прииртышье²². Таким образом, развитие орнаментации кинтусовской керамики шло в сторону появления в узорах и технике нанесения элементов, характерных для более ранних периодов средневековья. Архаизм позднекинтусовских сосудов порой приводил исследователей к неоправданному удревнению их дат²³.

Городища расположены на высоких мысовидных выступах коренных террас. От кучиминских они отличаются меньшими размерами жилых площадок (средняя площадь 1597 м²) и большей мощностью системы обороны (ширина рвов в среднем 4,6 м, глубина 2,5 м, высота валов 0,8 м). От поселений предшествующих периодов кинтусовские отличаются насыщенностью и толщиной культурного слоя (до 1,5—2 м), многочисленными перестройками фортификаций и жилищ. На городищах располагалось от 2 до 8 построек. Прослеживается тенденция перехода от уличной к скученной планировке (рис. 3А-3, 5).

В конструкции жилищ особых изменений не происходит. Они подпрямоугольные, слабоуглубленные, с коридорообразным выходом. Средняя площадь их 46,7 м². В центре или у противоположной от входа стены находился наземный очаг (рис. 3А-4, 6).

Могилиники грунтовые, находились в непосредственной близости от поселений. Погребения концентрируются в группы, внутри которых прослеживаются нечеткие ряды. Ориентировка могил неустойчивая. Захоронения совершались в простых неглубоких (20—70 см) ямах. Особенностью могильных ям X—XI вв. являются парные ниши по длинным сторонам — для поперечных плах перекрытий. В могилах XII—XIII вв. ниши встречаются

редко. Погребальный обряд — труположение. Покойников укладывали в гробовища вытянуто на спине. Единично встречаются кремация, скорченные костяки, захоронения черепов. Погребения одиночные, но встречаются и парные. По инвентарю кинтусовские погребения дифференцируются незначительно: из общей массы разнообразием и относительным богатством выделяются немногочисленные воинские могилы.

Раскопками исследовано Сайгатинское I святилище, входящее в комплекс Сайгатинского I могильника. Святилище было расположено на более древнем Кучиминском V городище и состояло из скопления кострищ и жертвенных ям. Наиболее интересный объект — остатки наземной прямоугольной бревенчатой постройки с жертвенным кострищем. Она перекрывала два погребения, после пожара остатки постройки были прорезаны третьим погребением. Во всех могилах инвентарь X в. Общая датировка святилища определяется находками — X—XV вв.

Предметы вооружения с кинтусовских памятников представлены палашами, саблями, боевыми ножами, топорами, наконечниками копий, дротиков, стрел, фрагментами кольчужных и пластинчатых доспехов, шлемов. Орудия труда — предметами кузнечного, бронзолитейного, деревообрабатывающего, кожевенного производств, охоты и рыболовства. Из погребальных и поселенческих комплексов известно большое количество украшений костюма, как местных западносибирских (рис. 3А-35, 39—41, 46), так и привозных приуральских (рис. 3А-36, 42—44, 47, 48). Наиболее близкие аналоги последним имеются в материалах родановской и вымской культур. Значительное распространение получают серебряные сканные украшения, произведенные в Волжской Булгарии.

Вещевой инвентарь кинтусовских памятников претерпевает значительные изменения, особенно на рубеже XI—XII вв. К началу XII в. исчезают распространенные ранее вещи, украшенные бронзовыми зооморфными навершиями, браслеты обского типа. Полые зооморфные подвески, начиная с XII в., теряют присущий им ранее реализм и тщательность отливки, постепенно превращаясь в сильно стилизованные колоколовидные украшения. К концу этапа появляется большое количество бронзовых лапчатых, крестовидных, каплевидных, круглых и лунообразных подвесок. На памятниках конца XI—XII вв. появляется глиняная антропоморфная пластика. Происходят изменения в технике бронзолитейного производства: керамические рюмковидные тигли сменяются цилиндрическими, начинают применяться льячки (рис. 3А-49, 51).

Ареал кинтусовских памятников, близких сургутским, очень широк: бассейн Тавды на западе (юдинская культура)²⁴, Среднее Прииртышье на юге (усть-ишимская)²⁵, бассейн Васюгана на востоке (городище Тух-Эмтор IV)²⁶, низовья Оби и полуостров Ямал на севере (городище Вож-Пай)²⁷, низовья Таза

и полуостров Таймыр на северо-востоке (находки у зимовья Мамеева, Тазовская мастерская, поселение Дюна III) ²⁸.

Сайгатинский этап (XIII — XIV вв.). Назван по наиболее ярким памятникам — Сайгатинским могильникам. Материалов этого времени ранее было известно немного, поэтому в отдельную группу они не выделялись. К настоящему времени в Сургутском Приобье выявлен ряд позднесредневековых памятников: городище Барсов городок IV/1, селища Барсова гора IV/1, IV/16, IV/17, Кучиминское XVI, Ермаково 14, могильники Барсовский IV, Сайгатинский II, поздние группы погребений Сайгатинских I, III, IV, святилища Сайгатинское 1 и на городище Барсов городок 1/6. Своеобразие материалов периода XIII — XVI вв. позволяет выделить их в отдельный этап.

В начале XIII в. в Сургутском Приобье происходит быстрая деградация керамического производства. Техника изготовления сосудов огрубляется, орнаментация делается проще и примитивнее. Почти единственным элементом орнамента становятся горизонтальные ряды оттисков крупнозубого гребенчатого штампа или наколов. Большинство сосудов вообще не орнаментировалось (рис. 3Б-5 — 8). Для XV — XVI вв. известны лепные формы, копирующие гончарные. Резко сокращается количество керамики. На 17 раскопанных жилищ городища Барсов городок IV/1 и одновременного ему селища Барсова гора IV/1 XIII — XIV вв. приходится один фрагмент керамики. Редки сосуды и в могильниках. Таким образом, можно говорить об утрате традиций керамического производства предшествующих периодов, хотя из глины продолжают изготавливаться тигли, льячки, литейные формы. Глиняную посуду вытесняют металлические котлы, которые становятся обычной находкой на памятниках позднего средневековья (рис. 3Б-9, 10). Наряду с обычными стандартными привозными формами найдены и местные изделия. Возрастает роль деревянной и берестяной посуды, которая довольно часто встречается в погребениях этого времени.

Поселения XIII — XVI вв. отличались от поселений предшествующих этапов одной особенностью: они находились в глубине террас, на значительном удалении (0,2 — 1 км) от берега. Такое расположение диктовалось, по всей видимости, не только хозяйственными, но и социальными факторами. Поселения известны как небольшие (3 — 4 жилища), так и крупные (до 39 жилищ). Размещение построек преимущественно беспорядочное, скученное. Поселки неукрепленные. Мощность фортификаций единственного известного городища Барсов городок IV/1 сильно уступает укреплениям конца I — начала II тысячелетия и сопоставима с карымскими оборонительными сооружениями; мелкий неширокий прерывистый ровик, невысокий вал (рис. 3Б-2).

Конструкция жилищ в основном сходна с конструкцией жилищ предшествующих этапов: слабоуглубленные постройки средней площадью 40 м² с песчаной подсыпкой стен. У объектов XIII —

XIV вв. сохраняются коридообразный выход, центральный очаг с каменной обкладкой (рис. 3Б-3). У жилищ XV — XVI вв. выход не прослеживается. Кроме наземных очагов, в ряде построек в углу фиксируются глинобитные чувалы (рис. 3Б-4). Наряду с традиционными подпрямоугольными сооружениями появляются многоугольные.

Погребальный обряд близок кинтусовскому. Могильники позднего средневековья отличаются компактностью. Ряды могил более четкие, ориентация костяков устойчивая. Могильные ямы XIII — XIV вв. различаются по глубине: наряду с традиционными слабоуглубленными встречаются глубокие — до 1,5 — 1,8 м. Сохранившиеся деревянные гробовища-колоды имеют приспособления для их опускания в глубокие могилы. В большей степени отмечается дифференциация погребений по инвентарю — выделяются группы захоронений с богатыми наборами вооружения, в том числе с полными кольчужными доспехами, саблями и с привозными ювелирными украшениями и золотоордынской торевтикой.

По сравнению с кинтусовским временем количество находок импортных серебряных и бронзовых изделий резко возрастает. Местное бронзовое литье сайгатинского этапа представлено украшениями костюма: различными типами пронизок, полых и плоских подвесок. К концу периода оно все более огрубляется (рис. 3Б-11 — 18). В поздних сайгатинских комплексах XV — XVI вв. появляются оловянные отливки. Железные изделия с позднесредневековых памятников как местного производства, так и явно привозные: сабли, топоры, ножи, наконечники копий и стрел, кольчуги, шлем, кресала, замки и ключи и т. д.

Завершение сайгатинского этапа связывается со временем присоединения Сибири к Русскому государству и началом русской колонизации края в 90-е гг. XVI в., оказавших сильное влияние на весь облик культуры местного населения.

В Сургутском Приобье известны также археологические памятники XVII — XIX вв. Широкого и целенаправленного исследования их не проводилось, поэтому они нами не рассматриваются.

Выделенные пять этапов и предшествующий им саровский отражают хронологические ступени развития одной культурной общности с присущими ей преемственностью в формах и орнаментации керамики, сюжетах и художественном стиле бронзового литья, домостроении и фортификациях, прослеживающейся от рубежа эр до XIV в. К сожалению, нам неизвестны погребальные памятники IV — VI вв., но в VII — XVI вв. погребальный обряд развивается также в рамках одной традиции.

Представляется, что вышеизложенное является не столько спецификой Сургутского Приобья, сколько отражает развитие средневековой материальной культуры всей лесной части

Западной Сибири. Для этой зоны характерны следующие общие черты:

1. Круглодонные или с приостренным дном сосуды с ямочно-жемчужной зоной на шейке, орнаментированные оттисками гребенчатых и фигурных штампов.

2. Художественное бронзовое литье, развивающееся в трех основных направлениях: а) статические антропоморфные личины и фигуры с подчеркнутыми мужскими признаками, в шлемах, иногда с оружием, имеющие ярко выраженный культовый облик (захоронение их в жертвенных комплексах, частое отсутствие петель для прикрепления к одежде и т. д.); б) сложные зооморфные композиции, имеющие постоянную тенденцию переноса их мотивов на украшения и принадлежности костюма; в) отдельные фигурки животных и птиц, выполненные в технике полого литья и употреблявшиеся в качестве подвесок или наконечников.

3. Оружие и орудия труда одного типа, изготовлены по сходной технологии.

4. Сходные типы жилых построек и фортификаций. Различия в планировке городищ обуславливались скорее местными особенностями рельефа, чем разными подходами к их строительству.

5. Наибольшие различия наблюдаются в погребальном обряде. При этом они касаются только оформления надмогильных сооружений. Сами погребения (устройство могильных ям, сочетание кремации и ингумации на некоторых этапах, поза погребенного, состав погребального инвентаря и т. д.) отражают скорее общее, чем различное в погребальной обрядности регионов Западной Сибири.

В развитии материальной культуры на различных территориях фиксируются сходные синхронные хронологические изменения, соответствующие выделенным нами этапам, что также является свидетельством ее единства. По-видимому, настала пора выработки какой-то общей концепции средневековой истории лесной и отчасти лесостепной части Западной Сибири, которая, возможно, поставит решение этногенетических и культурно-исторических вопросов на твердую базу археологических фактов.

¹ См.: Арне Т. Ю. Барсов городок. Стокгольм, 1935. С. 93—96 (на нем. яз.).

² См.: Там же.

³ Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 902, в/11—12, инв. № 6821.

⁴ Показателен в связи с этим недавно вышедший обзор по средневековой Зауралья и Западной Сибири, составленный В. А. Могильниковым (см.: Могильников В. А. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987. С. 163—235). В нем одни и те же памятники попадают в списки разных культур. Например, городище Тух-Эмтор IV отнесено к рел-

кинской и усть-ишимской культурам, городища Новоникольское I и IV — к юдинской и усть-ишимской, городище Потчеваш — к юдинской и потчевашской и т. д. При описании ареала каждой археологической культуры автор констатирует, что единого мнения в определении его границ нет (с. 184, 217). Даже беглый просмотр иллюстрации показывает удивительную схожесть керамики, зооантропоморфного литья, оружия и хозяйственного инвентаря, жилищ и т. д., принадлежащих к разным культурам.

⁵ См.: **Чиндина Л. А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 105, 106.

⁶ Памятники получали название, как правило, по населенному пункту, озеру, реке или протоке и порядковый номер (например, Ермаково XI). Исключение составляют комплексы с большим сосредоточением памятников на ограниченном пространстве. Так, в Сайгатино могильники именуются по названию урочища — Сайгатинский I, II и т. д., а поселения по протокам — Кучиминское I, II и т. д. или Остяцкий Живец I, II и т. д. На Барсовой Горе к востоку от железной дороги, разрезающей ее надвое, на первой надпойменной террасе селища назывались Барсова гора I и (и далее порядковый номер), городища — Барсов городок I; памятники, расположенные к западу от железной дороги на первой и на второй надпойменных террасах, именовались соответственно Барсова гора и Барсов городок II и IV. Могильники назывались Барсовскими и получали обозначение по мере открытия — I, II и т. д.

⁷ См.: **Чемякин Ю. П.** Городища Барсов городок I/11 и I/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья // ВАП. 1979. С. 49—62. Рис. 4; **Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.** Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой Горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 128.

⁸ Раскопки В. А. Борзунова и А. П. Зыкова 1986 г.

⁹ См.: **Чиндина Л. А.** Древняя история... С. 50—56. Рис. 21—24.

¹⁰ См.: **Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю.** Поселение Илкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приобье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 126; **Корякова Л. Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: Саргатская культура. Свердловск, 1988. С. 86; **Чернецов В. Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. № 58. С. 162—166. Табл. XI.

¹¹ Оттиски этого штампа встречены на керамике с поселения Круглое Озеро I (см.: **Чиндина Л. А., Балакин Ю. В.** Поселения Круглое Озеро I и II // ИИС. 1976. Вып. 19. С. 53. Табл. III-1).

¹² Подобная керамика есть и на некоторых памятниках Томско-Нарымского Приобья: могильники Релка, Томский, поселение Круглое Озеро II и т. д. Авторы публикаций связывают ее происхождение с южным влиянием (см.: **Чиндина Л. А., Балакин Ю. В.** Поселение Круглое Озеро I и II С. 62).

¹³ См. **Чиндина Л. А., Балакин Ю. В.** Поселения Круглое Озеро I и II С. 61. Табл. VII.

¹⁴ См.: **Чернецов В. Н.** Зеленая Горка близ Салехарда // КСИА. 1971. Вып. 25.

¹⁵ См.: **Амброз А. К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106—134.

¹⁶ См.: **Голдина Р. Д.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. Табл. IV, VIII, X, XI, XIV, XXIII.

¹⁷ К сожалению, до сих пор нет достойной публикации керамики выделенной Б. А. Кониковым усть-ишимской культуры Прииртышья, ряд бронзовых изделий которой аналогичен кучиминским.

¹⁸ См.: **Могильникова В. А.** Финно-угры и балты... С. 202—216.

¹⁹ См.: **Чернецов В. Н.** Нижнее Приобье... С. 200.

²⁰ Один из авторов статьи ранее предлагал оставить термин «оронтурский этап» для памятников конца I тыс. н. э. (см.: **Федорова Н. В.** О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 80). Однако в свете новых материалов предложенная последовательность этапов представляется более правильной.

²¹ См.: **Хлобыстин Л. П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. С. 26.

²² См.: **Терехова Л. М.** Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 114—123.

²³ Например, В. Н. Чернецов, а вслед за ним и В. А. Могильников отнесли ко времени не позднее конца оронтурского этапа (VI—IX вв.) сосуд конца XI—XII вв. из Кинтусовского могильника (см.: **Чернецов В. Н.** Нижнее Приобье... С. 224. Табл. XIII-13; **Могильников В. А.** Финно-угры и балты... Табл. XXXV-16).

²⁴ См.: **Викторова В. Д.** Ликинский могильник X—XIII вв. // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 133—168.

²⁵ См.: **Коников Б. А.** Усть-ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 88—98; **Могильников В. А.** Финно-угры и балты... С. 193 и др. Табл. XXXI—XXXIV.

²⁶ См.: **Киришин Ю. Ф.** Поселение Тух-Эмтор IV — памятник Васюганско-го Приобья // ИИС. 1976. Вып. 19. Табл. IX—X.

²⁷ См.: **Чернецов В. Н.** Нижнее Приобье... Табл. XXVII.

²⁸ См.: **Хлобыстин Л. П.** Древняя история... С. 26.

С. Г. ПАРХИМОВИЧ

Тюменский областной краеведческий музей

О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ И СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ В НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

В XVIII в. известный историк Сибири Г. Ф. Миллер писал, что большой горный хребет, отделяющий Сибирь от России, никогда не препятствовал общению народов, живших по обеим его сторонам. Не располагая конкретными материалами по истории взаимоотношений этих народов, он не мог дать их подробную характеристику и лишь отметил, что «...пермяки, остяки и вогулы издавна сообщались», а русские знакомились с Сибирью с помощью приуральских жителей¹. Мнение Миллера основывалось на летописных сведениях, в которых древние коми-зыряне традиционно считались знатоками зауральских земель и выступали главным образом в качестве «вожей» — проводников и как военная сила в походах русских ратей в Югру². Позднее историки отводили коми-зырянам и роль торговых посредников между Русью, Волжской Булгарией и Югрой. Временем начала заселения Сибири коми в исторической литературе принято считать конец XVI в.³

В последнее время значительно возрос интерес исследователей к проблемам историко-культурных контактов и взаимовлияний древних этносов. Благодаря совместным усилиям этнографов, лингвистов и археологов отмечаются определенные сдвиги и в изучении взаимоотношений древних коми с их соседями. В то же время, по признанию некоторых исследователей, про-